

ДЖОЗЕФ
КОНРАД

✦
Тайфун
✦

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Джозеф Конрад

Тайфун

«Издательство АСТ»

1902, 1908

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Конрад Д.

Тайфун / Д. Конрад — «Издательство АСТ», 1902,
1908 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-150648-3

Пароход «Нань-Шань», управляемый суровым капитаном Макуиром, следует из Сиам в Китай с пассажирами – китайскими кули, возвращающимися на родину после долгих лет работы на чужбине, – и оказывается в сердце мощного тайфуна. Среди пассажиров нарастает истерическая паника, грозящая обернуться массовым побоищем. Молодой помощник капитана Джек с трудом держит себя в руках. Команда – на пределе. И лишь капитан по-прежнему спокойно сражается с обезумевшей стихией... Помимо «Тайфуна», с его «самым прославленным многоточием в истории литературы», в сборник вошли еще две классические повести Джозефа Конрада – «Конец рабства» и считающаяся одним из главных его литературных шедевров «Дуэль», экранизированная Ридли Скоттом.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-150648-3

© Конрад Д., 1902, 1908

© Издательство АСТ, 1902, 1908

Содержание

Тайфун	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Джозеф Конрад Тайфун

Joseph Conrad
Typhoon
The End of the Tether
The Duel: a military Story

Школа перевода В. Баканова, 2022
© Перевод. М. Богословская, наследники, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Тайфун

Глава 1

Бесстрастная физиономия Макуира, капитана парохода «Нань-Шань», в точности отражала его внутренний облик: ничто в ней не указывало на особенную твердость характера или явную глупость. Заурядное, невыразительное лицо шкипера не обладало ни одной ярко выраженной чертой.

Единственное, на что могла порой указывать его внешность, – это, пожалуй, легкая застенчивость. В деловых конторах на берегу капитан, загорелый и улыбающийся, обычно сидел опустив взгляд. Когда же он поднимал голубые глаза, то смотрел прямо и открыто. Его тонкие светлые волосы обрамляли лысый купол черепа от виска до виска пушистой шелковой каймой. Морковно-рыжие усы напоминали щетку из медной проволоки, ровно обрезанную над верхней губой. Как бы старательно он ни брился, огненно-металлические отблески пробегали по щекам капитана всякий раз, как он поворачивал голову. Росту он был чуть ниже среднего, немного сутуловат и настолько крепко сложен, что любая одежда, казалось, сидит на нем слишком плотно. Словно не в силах постичь различия в климате разных широт, он всегда носил коричневый котелок, коричневатого оттенка костюм и грубые черные башмаки. Это береговое одеяние придавало его плотной фигуре неестественный, нелепо щегольский вид. В жилетную петлю он продевал тонкую серебряную цепочку от карманных часов, а сходя на берег, всегда сжимал в крепком волосатом кулаке ручку элегантного зонта-трости, самого высшего качества, и всегда несвернутого. Провожая капитана к трапу, молодой Джакс, его старший помощник, с величайшей заботливостью произносил: «Разрешите, сэръ» – и, почтительно завладев зонтом, аккуратно встряхивал складки, в мгновение ока сворачивал его и протягивал капитану. Все это он проделывал с такой важной миной, что старший механик Соломон Раут, куривший у люка свою первую утреннюю сигару, отворачивался, чтобы скрыть улыбку. «Ах да! Вечно этот зонт... Спасибо, Джакс, спасибо», – с чувством благодарил помощника капитан Макуир, не поднимая глаз.

Обладая ровно таким запасом воображения, какого хватало на каждый новый день, он был спокоен и уверен в себе и по той же причине ничуть не тщеславен. Начальство становится обидчивым, властным и придиричивым именно от избытка воображения, а всякое судно, каким командовал капитан Макуир, представляло собой плавучий оплот гармонии и мира. По правде говоря, он был так же не способен отдаться полету фантазии, как не может часовщик собрать хронометр, располагая из инструментов только двухфунтовым молотком и ручной пилой. Однако даже в скучной жизни людей, всецело поглощенных повседневной рутинной, есть место тайне. Например, в случае с Макуиром трудно было понять, какие таинственные силы заставили вполне примерного сына мелкого лавочника из Белфаста сбежать в море. А ведь именно это он сделал в пятнадцатилетнем возрасте. Размышляя о таких вещах, невольно представляешь себе огромную мощную невидимую руку, которая просовывается в земной муравейник, хватая людей за плечи, сталкивает лбами, увлекает ничего не подозревающих жертв на неведомые пути, заставляя стремиться к немислимым целям.

Отец так и не простил ему глупой прихоти. «Мы бы обошлись без Тома, – говаривал впоследствии оскорбленный родитель, – да у нас ведь торговое дело, а он – наш единственный сын!» Мать после его исчезновения выплакала все глаза. Поскольку мальчишке не пришлось в голову сообщить о своих планах, его оплакивали как умершего, и лишь через восемь месяцев пришло первое письмо из Талькауано. Весьма лаконичное послание содержало следующее утверждение: «Погода во время плавания стояла отличная». Однако на самом деле для

автора письма имел значение лишь один факт: в тот самый день, когда оно было написано, капитан внес его в ведомости судовой команды матросом второго класса. «Потому что я умею работать», – объяснил он. Мать вновь горько расплакалась, а отец выразил свои чувства короткой фразой: «Наш Том – осел». Отец был мужчина представительный и любил исподтишка подтрунивать над людьми. Он до конца своих лет применял такой тон по отношению к сыну, которого жалел, считая дурачком.

В силу обстоятельств навещать домашних у Макуира получалось редко, и в течение долгих лет он отправил родителям множество других писем, в которых сообщал о своих карьерных успехах и передвижениях по земному шару. В посланиях встречались такие фразы: «Здесь стоит невероятная жара» или: «В четыре часа пополудни на Рождество мы повстречались с айсбергами». Постепенно старики узнали названия многих судов, имена шкиперов, которые ими командовали, шотландских и английских судовладельцев, названия морей и океанов, проливов и мысов, выучили чужеземные наименования портов, известных своей древесиной, хлопком или рисом, названия островов, имя его молодой жены. Ее звали Люси. Они так и не поняли, считает ли он это имя красивым. А потом родители умерли.

В свое время наступил великий день, когда Макуир получил в командование свой первый корабль, а вскоре и великий день его свадьбы.

Все эти события произошли задолго до утра, когда капитан Макуир, стоя в штурманской рубке парохода «Нань-Шань», наблюдал падение барометра, которому не имел оснований не доверять. Принимая во внимание надежность прибора, время года и положение судна на земном шаре, падение барометра носило зловеще-пророческий характер, однако загорелое лицо капитана не выражало ни малейшего волнения. Он не верил в пророчества и был решительно не способен понять их зловещий смысл, пока они не исполнятся под самым его носом. «Да, несомненно, упал, – подумал капитан. – Видно, быть скверной погоде».

«Нань-Шань» шел с юга в порт Фучжоу с кое-каким грузом в нижнем трюме и двумя сотнями китайских кули¹, которые возвращались в свои родные деревни в провинции Фуцзянь, проработав несколько лет в различных тропических колониях.

Утро выдалось ясное. Маслянистое тусклое море волновалось, а в небе висело странное белесое пятно, похожее на нимб вокруг солнца. На баке, забитом китайцами, мелькали темные одежды, желтые лица и косички, поблескивали там и сям обнаженные плечи – ветра не было, и стояла удушающая жара. Кули валялись на палубе, болтали, курили, глядели за борт, иные, набрав воды, плескали друг на друга. Некоторые спали на люках, другие сидели небольшими группками на корточках вокруг железных подносов с тарелками риса и крошечными чайными чашечками. Каждый житель Поднебесной империи вез с собой все имущество – деревянный сундучок с висячим замком и медной обшивкой по углам, где хранил плоды своих трудов: нарядную одежду, ароматические палочки, быть может, немного опиума, какие-то дорогие его сердцу безделушки и маленькую кучку серебряных долларов, заработанных на угольных шаландах, выигранных в игорных домах или нажитых мелкой торговлей, вырытых из земли, добытых непосильным трудом на рудниках и железных дорогах, в смертельно опасных джунглях, терпеливо собранных, заботливо охраняемых, неистово любимых.

Часов в десять от залива Формоза пошла поперечная зыбь, не слишком потревожившая пассажиров, поскольку «Нань-Шань», с его плоским дном, боковыми килями и широкими бимсами, отличался исключительной устойчивостью. В минуты душевного подъема за кружкой пива на берегу Джакс громогласно заявлял, что «Нань-шань» – лучший из лучших во всех восточных морях. Капитану Макуиру никогда бы не пришлось в голову выразить свое благоклонное мнение о корабле столь шумно и высокопарно.

¹ Кули – работники, нанимаемые в качестве дешевой рабочей силы в густонаселенных китайских провинциях.

Судно, несомненно, было хорошее и совсем не старое: ему не исполнилось и трех лет. Его построили в Дамбартоне по заказу торговой фирмы из Сиама «Сигг и сын». Спустив на воду совершенно законченное и готовое приступить к работе судно, строители созерцали его с гордостью.

– Сигг просил нас найти надежного шкипера, – заметил один из компаньонов.

– Если не ошибаюсь, Макуир сейчас не у дел, – подумав минутку, сказал другой.

– В самом деле? В таком случае телеграфируйте ему немедленно. Он лучший в своем деле, – тотчас заявил старший компаньон.

Наутро перед ними предстал невозмутимый капитан Макуир, прибывший из Лондона с полуночным экспрессом после внезапного, однако довольно сдержанного прощания с женой. Она была из хорошей семьи и знавала лучшие дни.

– Давайте осмотрим судно, капитан, – предложил старший компаньон, и трое мужчин отправились любоваться совершенством «Нань-Шань» с носа до кормы и от киля до клотиков двух приземистых мачт.

Капитан Макуир начал с того, что повесил свой сюртук на край парового брашпиля, воплотившего в себе последнее слово техники.

– Мой дядя дал о вас самый благоприятный отзыв в письме нашим добрым друзьям, господам Сигг, – сообщил младший партнер. – Не сомневаюсь, что они оставят командование за вами. Вам выпала честь командовать лучшим судном своего класса, которое плавает у берегов Китая.

– Да? Благодарю вас, – промямлил Макуир, на которого эта прекрасная перспектива произвела не большее впечатление, чем красота равнинного ландшафта на подслеповатого туриста.

Он на секунду остановил взгляд на дверном замке одной из кают, затем приблизился к двери и энергично задергал ручку, негромко и очень серьезно приговаривая:

– Никому нельзя доверять. Замок новехонький, а никуда не годится. Заело. Видите? Видите?

Как только компаньоны вернулись в контору, племянник с легким презрением заметил:

– Вы расхваливали этого типа перед Сиггами. Что вы в нем нашли?

– Согласен, он не похож на морского волка, какими ты себе их представляешь. Ты это хотел сказать? – отрезал старший компаньон. – Где бригадир столяров?.. Входите, Бейтс. Как это вы позволили поставщику подсунуть нам неисправный замок? Капитан сразу заметил. Немедленно замените. Знаете, Бейтс, маленькая соломинка...

Замок сменили, и несколько дней спустя «Нань-Шань» отправился на Восток. Капитан Макуир не сделал больше ни одного замечания и не проронил ни единого слова, указывающего на то, что он гордится своим судном, благодарен за назначение или доволен видами на будущее.

Он не был ни словоохотлив, ни молчалив, просто поводов для разговоров находилось не так много. Разумеется, ему приходилось исполнять свои обязанности: отдавать распоряжения, приказы и тому подобное, – однако возвращаться к прошлому он не любил, как и заглядывать в будущее, а ежедневная рутина не требовала пространственных комментариев, поскольку факты говорили сами за себя.

Старому мистеру Сиггу нравились немногословные люди, которым не придет в голову проявлять инициативу и нарушать инструкции. Макуир, как нельзя лучше удовлетворявший этим требованиям, остался капитаном и начал водить «Нань-Шань» по китайским морям. Судно вышло под британским флагом, однако через некоторое время владельцы сочли удобным переменить его на сиамский.

Узнав эту новость, Джек потерял покой, будто ему нанесли личное оскорбление. Он ходил по пароходу, ворча что-то себе под нос и презрительно посмеиваясь.

– Только представьте себе этого нелепого слона с Ноева ковчега на флаге судна! – крикнул он однажды в дверь машинного отделения. – Черт побери, я этого не вынесу! Я откажусь от места! Вас от этого не тошнит, мистер Раут?

Старший механик только откашлялся с видом человека, знающего цену хорошему месту.

В первое утро, когда новый флаг взвился над кормой «Нань-Шаня», Джакс печально уставился на него с мостика. Несколько минут он боролся со своими чувствами и, наконец, с горечью заметил:

– Странно ходить под таким флагом, сэр.

– А что не так с флагом? – удивился капитан Макуир. – По-моему, все в порядке.

Он прошел на край мостика, чтобы получше разглядеть флаг.

– А мне он кажется странным! – взволнованно выпалил Джакс и умчался с мостика.

Капитана Макуира поведение помощника весьма озадачило. Через некоторое время он спокойно прошел в штурманскую рубку и открыл Международный свод сигналов на той странице, где выстроились пестрыми рядами флаги всех стран. Проводя пальцем по рядам, он дошел до сиамского и внимательно всмотрелся в красное поле с белым слоном. Ничего не могло быть проще, однако, желая убедиться, он вынес книгу на мостик, чтобы сравнить рисунок с настоящим флагом, развевающимся над кормой. Когда Джакс, исполнявший в тот день свои обязанности со сдержанной яростью, вышел в следующий раз на мостик, капитан спокойно произнес:

– С флагом все в порядке.

– Правда? – пробормотал Джакс, падая на колени перед рундуком с палубными принадлежностями и злобно извлекая оттуда запасной лотлинь.

– Да, я проверил по книге. В длину вдвое больше, чем в ширину, и слон в самом центре. Ясное дело, эти береговые должны знать, как делать местный флаг. Вы ошиблись, Джакс...

– Послушайте, сэр, – возбужденно вскочил Джакс, – я всего лишь хотел сказать...

Он дрожащими руками нащупал конец линя.

– Ничего страшного! – успокоил его капитан Макуир, усаживаясь на свой любимый складной стульчик из парусины. – Просто поглядывайте, чтобы матросы с непривычки не подняли слона вверх ногами...

Джакс швырнул новый лотлинь на бак и гаркнул:

– Держите, боцман! Не забудьте его хорошенько вымочить!

Затем он решительно повернулся к капитану, однако тот, непринужденно облокотившись на поручень, продолжал:

– Потому что, полагаю, это могли бы расценить как сигнал бедствия. Как вы думаете? Наверное, этот слон для них такой же важный символ, как союзный гюйс на английском флаге...

– Неужели? – взревел Джакс так громко, что все головы на палубе повернулись к мостику.

Он вздохнул и, неожиданно сдавшись, покорно сказал:

– Да, зрелище было бы чертовски прискорбное.

Позже он доверительно обратился к старшему механику:

– Послушайте-ка, что еще выкинул наш старик.

Соломон Раут (чаще именуемый длинным Солом, стариной Солом или папашей Раутом) практически всегда оказывался выше всех ростом на борту любого корабля, где служил, а потому приобрел привычку неторопливо и снисходительно наклоняться к собеседнику. Волосы у него были редкие, пшеничного цвета, щеки плоские и бледные, руки худые, длинные и тоже бледные, будто он никогда не видел солнца. Он улыбнулся Джаксу с высоты своего роста, продолжая курить и спокойно поглядывая по сторонам с видом доброго дядюшки, снисходительно выслушивающего болтовню взбудораженного школьника. Рассказ его позабавил, однако он лишь бесстрастно поинтересовался:

– И вы отказались от должности?

– Нет! – возопил обескураженный Джакс, перекрикивая хриплый гул судовых лебедек, которые подхватывали и поднимали стропы с грузом до конца длинных стрел, казалось, только для того, чтобы беззаботно дать им сорваться. Грузовые цепи стонали, с бряцанием ударялись о комингсы, гремели за бортом. Все судно содрогалось, а длинные серые бока дымились клубами пара.

– Нет, не отказался! – крикнул Джакс. – Что толку? С таким же успехом я мог заявить о своей отставке вот этой переборке! Разве можно что-то втолковать такому человеку? Он меня поражает.

В этот момент на палубе появился вернувшийся с берега капитан Макуир с зонтом в руке в сопровождении печального и сдержанного китайца в шелковых туфлях на бумажной подошве и тоже с зонтиком, следовавшего за ним по пятам.

По своему обыкновению опустив глаза, капитан едва слышно сообщил, что в этот рейс необходимо будет зайти в Фучжоу. Затем он высказал пожелание, чтобы мистер Раут развел пары завтра ровно в час дня. Он сдвинул шляпу на затылок, утер лоб и заметил, что терпеть не может сходить на берег. Возвышавшийся над ним мистер Раут, не удостоив капитана ни словом, мрачно курил, обняв правый локоть ладонью левой руки. Далее тем же пониженным голосом Джаксу было велено освободить от груза носовой твиндек. Там нужно будет разместить две сотни кули. Компания «Бан-Хин» отправляет эту партию работников по домам. Провизия – двадцать пять мешков риса – будет доставлена сейчас на сампане. Капитан сообщил также, что все кули прослужили по семь лет, и у каждого есть сундук из камфорного дерева. Пусть плотник берется за работу: там, внизу, надо прибить трехдюймовые планки вдоль палубы на корме и на носу, чтобы сундуки не сдвинулись с места во время плавания.

– Джакс, займитесь этим делом немедленно. Вы слышите, Джакс?

Оказалось, что китаец поедет до Фучжоу, будет вроде переводчика. Он клерк компании «Бан-Хин» и хотел бы осмотреть помещение для кули. Пусть Джакс проводит его на нос...

– Вы поняли, Джакс?

Джакс в соответствующих местах вставлял без всякого энтузиазма: «Да, сэр».

Потом он обратился к китайцу, который покорно засеменял за ним.

– Пойдем, Джон. Твоя смотреть. Твоя смотреть сколько хочет, – говорил китайцу Джакс, плохо усваивавший иностранные языки и сейчас немилосердно коверкавший англо-туземный жаргон.

Он указал на открытый люк.

– Каждый кули есть свой место спать. Понял?

Джакс, веривший в расовое превосходство, выглядел сурово, но не враждебно. Китаец грустно и безмолвно заглянул в темноту люка с таким видом, точно стоял у края разверстой могилы.

– Там, внизу, нет дождь, соображаешь? – объяснял Джакс. – А если хорошая погода, кули понемножку идет наверх, – с воодушевлением продолжал он. – Дышать свежий воздух.

Он выпятил грудь и раздул щеки, показывая, как они будут дышать свежим воздухом.

– Понял, Джон? Дышать: пфуу-у-уух. Хорошо, да? Постирушки там – все наверху, ням-ням тоже. Понял, Джон?

Он почавкал и выразительно покрутил руками, изображая стирку белья. Китаец, скрывая недоверие к этой пантомиме за сдержанным выражением с легкой примесью печальной, изысканной меланхолии, переводил миндалевидные глаза с Джакса на люк и обратно.

– Осень холосо, – безнадежным тоном произнес он и заскользил по палубе, ловко избегая попадавшихся на пути препятствий. Наконец клерк исчез, нырнув под строп с десятью грязными рогожными мешками, наполненными каким-то дорогим товаром и издававшими отвратительный запах.

Капитан Макуир тем временем поднялся на мостик и вошел в штурманскую рубку, где собирался дописать письмо, начатое два дня назад. Его длинные послания всегда начинались словами: «Моя дорогая жена», и стюард не упускал возможности в них заглянуть в промежутках между мытьем пола и вытиранием пыли с хронометров. Эти письма интересовали последнего значительно больше, чем женщину, для которой предназначались; объяснялось это тем, что в них с мельчайшими подробностями изображались все события плавания «Нань-Шаня».

Верный фактам, каковые только и могло охватить его сознание, капитан добросовестно излагал их на многих страницах. В парадной двери дома в северном пригороде, куда адресовались эти письма, красовалось цветное стекло, а перед эркерными окнами располагался небольшой садик. За этот дом капитан платил сорок пять фунтов в год и не считал арендную плату слишком высокой, ибо миссис Макуир – претенциозная особа с тощей шеей и надменными манерами – кичилась своей принадлежностью к высшему обществу, и соседи признавали ее за настоящую леди. Втайне она смертельно боялась того времени, когда супруг вернется с намерением навсегда остаться дома. Под той же крышей проживали их дочь Лидия и сын Том. Эти двое едва знали отца. Он оставался для них редким гостем, имевшим привилегию курить трубку по вечерам в столовой и спать в доме. Долговязая девочка, пожалуй, стыдилась его, мальчик был откровенно равнодушен и проявлял это чувство с восхитительной прямоотой, свойственной его сверстникам.

Между тем капитан Макуир писал домой с берегов Китая двенадцать раз в год, выражая нелепое желание, чтобы жена «передала привет детям», а подписывался всегда: «Твой любящий супруг» – с таким спокойствием, словно эти затертые от долгого употребления слова давно потеряли всякий смысл.

Моря, омывающие побережье Китая, узкие, изобилуют повседневными красноречивыми фактами: островами, песчаными отмелями, рифами, быстрыми изменчивыми течениями, – запутанными фактами, непростой язык которых тем не менее понятен всякому моряку. На капитана Макуира, приверженца точных фактов, этот язык оказал столь мощное воздействие, что он забросил свою каюту и практически жил на мостике, даже обедал частенько наверху, а спал в штурманской рубке. Там же сочинял он и письма домой. В каждом без исключения встречалась фраза: «В этом рейсе погода стояла отличная» – или подобное сообщение в несколько иной форме. Это удивительно настойчивое утверждение отличалось той же безупречной точностью, что и все остальные факты, содержащиеся в письмах.

Писал письма и Соломон Раут, только никто на борту не знал, сколь красноречивым он может быть с пером в руках, ибо у старшего механика хватало ума запирать свой письменный стол. Жена восхищалась его слогом. Детей у них не было, и миссис Раут, смешливая сорокалетняя женщина, крупная, с большой грудью, жила в небольшом домике близ Теддингтона вместе с беззубой и почтенной матерью мистера Раута. Она просматривала корреспонденцию за завтраком, оживленно блестя глазами, а интересные места радостно выкрикивала во весь голос, чтобы ее услышала глуховатая старушка, и каждую выдержку предваряла мощным вступительным аккордом: «Соломон говорит!» Она имела обыкновение выпаливать изречения Соломона также и чужим людям, приводя их в изумление незнакомыми цитатами с неожиданно шуточным тоном. В день, когда к ней явился с визитом новый викарий, миссис Раут улучила минутку, чтобы заметить:

– Как говорит Соломон, «механики, отправляясь в море, созерцают чудеса морской природы...»

Увидев, что гость изменился в лице, она умолкла на полуслове и вытаращила глаза.

– Соломон? Э-э-э... миссис Раут, – заикаясь, выговорил молодой человек и сильно покраснел, – должен признаться, я не...

– Это мой муж! – громогласно объявила она, откинувшись на спинку стула.

Поняв, в чем дело, миссис Раут неудержимо захохотала, прикрыв глаза носовым платком, а викарий сидел, пытаясь выдавить улыбку. Он редко сталкивался со столь жизнерадостными особами и теперь был глубоко убежден, что перед ним – безнадежно помешанная. Впоследствии они стали лучшими друзьями: поняв, что она не хотела быть непочтительной, викарий стал считать ее чрезвычайно достойной женщиной, а со временем даже научился стойко выслушивать мудрые изречения Соломона.

«На мой взгляд, – цитировала она своего Соломона, – куда лучше, когда шкипер – туповатый зануда, но не жулик. К дураку можно приловчиться, а жулик хитер и увертлив».

Столь легкомысленное обобщение Соломон вынес из одного частного случая, когда ему пришлось убедиться в несомненной честности капитана Макуира, которая сама по себе отличалась тяжеловесностью глиняной глыбы. Что касается Джакса, то, неспособный к обобщениям, не обремененный семьей и даже непомолвленный, он имел привычку изливать свои чувства старому приятелю, с которым работал прежде на одном судне (теперь тот служил вторым помощником на борту парохода, совершавшего рейсы в Атлантическом океане).

Прежде всего Джакс настаивал на преимуществах плавания в восточных морях, намекая на их превосходство над Атлантикой, яркими красками расписывал небо, море, суда и легкую жизнь на Дальнем Востоке. Пароход «Нань-Шань», по его словам, не имел себе равных.

«Мы здесь не носим нарядных мундиров, зато дружны, как братья, – писал он. – Обедаем все вместе и живем, как бойцовые петухи... Ребята из машины – все достойные парни, а старина Сол, старший механик, настоящий кремь! Мы с ним закадычные друзья. Что до нашего старика, то другого такого спокойного шкипера не найдешь. Порой можно подумать, что у него не хватает ума разобрать, где непорядок, однако ж это не так – ничуть не бывало. Он командует уже много лет. Явных глупостей не делает и управляет судном, никого не стесняя. Думаю, у него не хватает мозгов, чтобы получать удовольствие от ссор. Его слабостями я не пользуюсь – никогда до этого не унижусь. Не принимая в расчет его ежедневных обязанностей, он, по-моему, понимает не больше половины того, что ему говоришь. Мы иной раз над этим посмеиваемся. Правду сказать, скучновато с таким капитаном в долгом плавании. Длинный Сол говорит, что капитан неразговорчив. Неразговорчив? О господи! Да он молчун, каких поискать. На днях я разговорился под мостиком с одним механиком, а капитан, видать, нас слышал. Когда я пришел заступать на вахту, он вышел из рубки, осмотрелся, поглядел на бортовые огни, бросил взгляд на компас, сощурился на звезды. Он всегда так делает. А потом и спрашивает:

– Это вы только что разговаривали у левого борта?

– Да, сэр.

– С третьим механиком?

– Да, сэр, – отвечаю я.

Он отходит к правому борту, садится на свой раскладной стульчик под обвесом и где-то около получаса не издает ни звука. Только чихнул один раз.

Потом слышу – он поднимается и топает ко мне на левый борт.

– Не могу понять, как вы находите, о чем говорить, – заявляет он. – Битых два часа! Я вас не обвиняю. Люди на берегу целыми днями болтают, а вечером садятся и продолжают говорить за рюмочкой. Наверное, повторяют одно и то же по сто раз. Не понимаю.

Нет, ты слышал о чем-нибудь подобном? Он с таким недоумением расспрашивал. Мне даже жалко его стало. Но иногда он просто невыносим. Конечно, никому не придет в голову изводить его, даже если бы он того заслуживал, да он не заслуживает. Он так наивен, что, если бы тебе пришлось в голову показать ему нос, он бы искренне недоумевал, что на тебя нашло. Однажды он сказал мне с очень серьезным видом, что не может понять, почему люди всегда поступают так странно. Он не понимает самых простых вещей, вот в чем дело».

Так писал Джакс своему приятелю, служившему на торговых судах в Западном полушарии, от полноты чувств и живости фантазии.

Он выражал свое искреннее мнение. Не имело смысла пытаться произвести впечатление на такого человека. Если бы на свете было много таких людей, жизнь показалась бы Джаксу скучным и неблагодарным делом. В своем мнении он был не одинок. Даже само море, разделяя добродушную снисходительность Джакса, никогда не преподносило неприятных сюрпризов этому молчуну, редко поднимавшему глаза и невинно странствовавшему по водам с единственной видимой целью – добыть пропитание, одежду и кров для трех человек, оставшихся на суше. Конечно, он был знаком и со скверной погодой. Как всем, случалось ему и промокнуть, и устать, и терпеть лишения, однако он быстро об этом забывал и в письмах домой неизменно сообщал о хорошей погоде. Однако ни разу еще не довелось ему увидеть неизмеримую мощь и безудержный гнев стихии, который истощается, но никогда не утихает, гнев и ярость разбушевавшегося моря. Капитан знал о них, как все люди знают о существовании преступлений и всяких гнусностей. Он слышал об этом, как слышал мирный обыватель о битвах, голоде и наводнениях, не понимая значения этих событий, хотя ему приходилось иной раз вмешиваться в уличную драку, оставаться без обеда или вымокать до нитки под ливнем. Капитан Макуир плывал по морям, как иные люди мирно проходят сквозь годы, чтобы в конце осторожно опуститься в тихую могилу. Они до конца своих лет не сталкиваются с вероломством, жестокостью и ужасом. Таких людей можно встретить в море и на суше, счастливых... или просто презираемых судьбой и морем.

Глава 2

Наблюдая за неотступным падением барометра, капитан Макуир думал: «Видно, быть скверной погоде». Именно так он думал. Хотя ему случалось встречаться с довольно скверной погодой, это определение применялось в основном к погодным условиям, причинявшим морякам легкие неудобства. Если бы какой-нибудь непогрешимо авторитетный источник сообщил ему, что близится конец света, вызванный катастрофическими явлениями в атмосфере, капитан воспринял бы эту информацию как предсказание скверной погоды, не более, поскольку никаких особенных катаклизмов ему пережить не доводилось, а вера не обязательно влечет за собой понимание. Мудрость властей выразилась в акте парламента, согласно которому, прежде чем капитана признают годным к управлению судном, он должен ответить на несколько простых вопросов об ураганах, циклонах и тайфунах. Очевидно, капитан Макуир на них ответил, поскольку командовал пароходом «Нань-Шань» в китайских морях в сезон тайфунов, только теперь ничего такого не помнил. Он лишь осознал, что стоит невыносимо тяжелая, удушающая жара. Он вышел на мостик, но легче не стало. Воздух казался густым и липким. Капитан разевал рот, как рыба, выброшенная на берег, и чувствовал себя не в своей тарелке.

«Нань-Шань» оставлял глубокий исчезающий след на поверхности воды, блестящей, точно скомканный кусок серого шелка. Бледное, тусклое солнце изливало свинцовый жар и странный неяркий свет. Китайцы в изнеможении валялись на палубах. Своими бескровными, измученными желтыми лицами они походили на больных желтухой. Капитан Макуир обратил внимание на двоих, что лежали навзничь ближе к мостику. С закрытыми глазами они казались мертвыми. Трое других спорили о чем-то на баке. Один здоровый парень, полуголый, с богатырскими плечами, бессильно перевесился через лебедку. Другой сидел на палубе, по-девичьи подогнув колени и склонив голову набок, и с ленивой медлительностью заплетал косу; его пальцы едва шевелились. Дым с трудом выбивался из трубы и не уходил в сторону, а растекался зловещим облаком, испуская запах серы и осыпая палубу сажей.

– Что вы там, черт возьми, делаете, Джакс? – спросил капитан Макуир.

От столь непривычного обращения – хотя слова эти шкипер не произнес, а промямлил, – Джакс вздрогнул как от удара. Он сидел на низкой скамеечке, принесенной на мостик; под ногами у него свернулась веревка, на коленях лежал кусок парусины, и он яростно орудовал парусной иглой. Помощник удивленно поднял голову, его лицо приняло невинное и простодушное выражение.

– Сшиваю мешки из новой партии, которую мы заготовили для угля в прошлом рейсе, – отозвался он вежливо. – Они понадобятся для следующей погрузки, сэр.

– А что случилось со старыми?

– Износились, сэр.

Капитан Макуир, окинув молодого человека подозрительным взглядом, высказал мрачное и циничное убеждение, что больше половины мешков отправилось за борт, да только никто правды не скажет, и удалился на другой конец мостика. Джакс, обиженный необоснованным нападением, сломал иглу на втором стежке, бросил работу, вскочил и вполголоса яростно проклял жару. Стучал винт, трое китайцев внезапно прекратили ссору, а заплетавший косу обхватил руками колени и уныло уставился в одну точку. Бледное солнце отбрасывало слабые, болезненные тени. Волнение усилилось, судно тяжело рыскало в глубоких выбоинах.

– Интересно, откуда взялась эта мерзкая зыбь? – громко произнес Джакс, покачнувшись и с трудом поймав равновесие.

– С северо-востока, – проворчал с другого конца мостика Макуир, понимавший все буквально. – Будет скверная погода. Пойдите взгляните на барометр.

Из штурманской рубки Джакс вышел с задумчивой и озабоченной физиономией, схватился за леер и посмотрел вдаль.

Температура в машинном отделении дошла до сорока восьми градусов. Через решетку котельной поднимался раздраженный гул голосов, чередующийся с сердитым скрежетом и лязгом металла, словно там, внизу, ругались люди с железными конечностями и медными глотками. Второй механик на все корки честил кочегаров за то, что не удержали давление пара. Это был мощный детина с руками кузнеца, и обычно его побаивались, однако сегодня кочегары бесстрашно огрызались и в сердцах хлопали дверцами топков.

Внезапно шум прекратился, и второй механик показался из люка, насквозь мокрый и весь в саже, как трубочист. Едва высунув голову, он принялся бранить Джакса за неправильно приложенные вентиляторы. Джакс умоляюще развел руками, словно желая сказать: «Ветра нет, что поделаешь... сами видите...» – однако тот не хотел внимать доводам рассудка и сердито блестел зубами на перепачканном лице. Он заявил, что готов взять на себя труд настучать по башке безмозглым кочегарам там, внизу, но пропади оно все пропадом: неужели проклятые штурманы думают, что можно поддерживать пар в этих забытых Богом котлах одними туманками? Нет, черт возьми! Нужна хоть какая-то тяга. Если это не так, он готов на веки веков превратиться в палубного матроса со шваброй вместо головы. И старший механик тоже с полудня бесится у манометра и скачет как ненормальный по машинному отделению. «Чего вы здесь торчите, Джакс, если не можете заставить своих ни на что не годных калек повернуть вентиляторы к ветру?»

Как известно, отношения между «машиной» и «палубой» на «Нань-Шане» были самыми что ни на есть братскими, вследствие чего Джакс наклонился и сдержанно попросил собеседника не прикидываться идиотом – на другом конце мостика стоит капитан.

Механик мятежно заявил, что ему плевать, кто стоит на другом конце мостика. Джакс, мгновенно перейдя от высокомерного неодобрения к крайнему возбуждению, в недвусмысленных выражениях пригласил его подняться и самому повернуть чертовы вентиляторы куда заблагорассудится и поймать тот ветер, какой получится у такого осла, как он. Второй механик принял вызов, выскочил наверх и набросился на вентилятор по левому борту с такой яростью, точно хотел вырвать его из переборки и швырнуть за борт. На самом деле он всего лишь повернул раструб на пару дюймов, вложив в это движение все силы, после чего безвольно прислонился к переборке рулевой рубки. Джакс подошел к нему.

– О боже! – слабым голосом воскликнул механик.

Он поднял глаза к небу, затем опустил остекленевший взгляд к горизонту, который, наклонившись под углом в сорок градусов, повисел некоторое время на откосе и медленно выровнялся.

– Господи, да что же это?

Джакс, расставив длинные ноги, как ножки циркуля, произнес с чувством собственного превосходства:

– На этот раз непогода нас захватит. Барометр падает как бешеный, Гарри. А вы тут пытаетесь затеять дурацкую ссору...

Услышав слово «барометр», второй механик окончательно взбеленился. Вновь собравшись с силами, он грубо посоветовал Джаксу засунуть этот позорный прибор себе в глотку. Кому какое дело до треклятого барометра? Беда в том, что давление падает – понимаете? – падает! Кочегары теряют сознание, а папаша Раут совсем одурел. Надоела такая собачья жизнь, и начхать, что все это вот-вот взлетит к чертям! Казалось, бедняга сейчас расплатится, но он лишь перевел дух, пробормотал мрачно: «Я им покажу – терять сознание!» – и бросился к люку. Там он остановился на секунду, чтобы погрозить кулаком всему белому свету, издал боевой клич и провалился в темную дыру.

Обернувшись, Джакс увидел сутулую спину и большие красные уши капитана Макуира, который перешел на его край мостика. Не глядя на помощника, он сказал:

– Этот второй механик – чрезвычайно грубый человек.

– Зато чертовски рукастый механик, – проворчал Джакс и, ухватившись за поручни, поскольку предвидел неминуемый крен, поспешно прибавил: – Они не могут удержать давление пара.

Капитан Макуир, не успев среагировать, едва удержался на ногах и налетел на пиллерс, поддерживающий тент.

– Грубиян! – заявил он упрямо. – Если так будет продолжаться, я отделаюсь от него при первой возможности.

– Это все жара, – вступился за механика Джакс. – Отвратительная погода. Тут и святой заругается. Даже здесь, наверху, я чувствую себя так, словно у меня голова обмотана шерстяным одеялом.

Капитан поднял глаза.

– Вы хотите сказать, Джакс, что когда-то обматывали голову шерстяным одеялом? Зачем?

– Это образное выражение, сэр, – невозмутимо ответил Джакс.

– Странная у вас манера выражаться! А что значит «и святой заругается»? Впредь извольте не говорить таких глупостей. Что же это за святой, если он ругается? Думаю, такой же святой, как вы. И при чем тут одеяло... или погода? Я ведь не ругаюсь из-за жары, правда? Просто у него скверный характер, и дело с концом. И какой смысл в таких грубых выражениях?

Так выступил капитан Макуир против использования образных выражений, а под конец и вовсе огорошил Джакса, презрительно фыркнув и сердито проворчал:

– Черт возьми! Я выкину его с судна, если он не уймется.

А неисправимый Джакс подумал: «Надо же! Старичок-то наш совсем разбушевался. Вот тебе и характер! А все из-за погоды. Не иначе из-за погоды. Тут и ангел ползет в драку, не говоря уж о святом...»

Казалось, все китайцы на палубе находятся на последнем издыхании. Заходящее солнце, неестественно маленькое, тускло поблескивало угасающим буроватым светом, как будто с этого утра прошли миллионы столетий и оно доживает свой последний день. С севера надвинулась густая гряда облаков зловещего темно-оливкового оттенка; низкая и неподвижная, она выглядела осязаемой преградой на пути судна. Корабль, зарываясь в волны, медленно шел ей навстречу, словно измученное животное, гонимое к смерти. Медные сумерки постепенно угасали; спустилась темнота, и в небе выпал рой дрожащих крупных звезд; они мерцали, будто их кто-то задует, и висели совсем низко.

В восемь часов Джакс вошел в штурманскую рубку, чтобы заполнить судовой журнал. Он старательно выписал из записной книжки пройденное расстояние и курс судна, а в колонке, озаглавленной «Ветер», нацарапал сверху донизу, с полудня до восьми часов: «Штиль». Непрерывная монотонная качка выматывала. Тяжелая чернильница скользила по столу как живая и будто сознательно уворачивалась от пера. Написав в колонке для примечаний слова «Гнетущая жара», он зажал зубами колпачок ручки, как мундштук трубки, и промокнул лицо платком. «Качка сильная, волны высокие, поперечные...» – начал он с новой строки и подумал: «Сильная» – не то слово». Затем написал: «Заход солнца угрожающий. На северо-востоке низкая гряда облаков. Небо над нами ясное».

Распластав руки по столу, он поглядел в дверной проем и увидел, что все звезды, заключенные в раму из тикового дерева, стремительно понеслись вверх по черному небу. Они взлетели и скрылись из виду, осталась только чернота, усеянная белыми пятнами, ибо море было таким же черным, как небо, только с ключьями пены. Когда судно накренилось в другую сторону, звезды вернулись и, мерцая, посыпались вниз; они выглядели не огненными точками, а крошечными блестящими дисками.

Джакс проследил взглядом за летящими звездами и написал: «Восемь вечера. Волнение усиливается. Сильная качка, палубу заливает. Кули размещены на ночь, люк задраен. Барометр продолжает падать». Он остановился и подумал, что, возможно, ничего не будет. Затем решительно заключил: «По всем признакам надвигается тайфун».

На выходе из рубки ему пришлось посторониться, чтобы пропустить капитана Макуира, молча ступившего на порог.

– Будьте добры, закройте дверь, Джакс, – крикнул из рубки капитан.

Джакс повернулся, закрыл дверь и насмешливо пробормотал:

– Видно, боится простудиться.

Его вахта начиналась позже, однако он жаждал общения с себе подобными и благодушно заговорил со вторым помощником:

– Все не так уж плохо, как считаете?

Второй помощник шагал взад и вперед по мостику; ему приходилось то быстро семенить вниз, то с трудом карабкаться в гору. Услышав Джакса, он остановился и устремил взор вперед.

– Ничего себе волна! – сказал Джакс, покачнувшись и касаясь рукой палубы.

На этот раз второй помощник издал какой-то недружелюбный звук.

Это был немолодой плюгавый человечек со скверными зубами и без малейших признаков растительности на физиономии. Его спешно наняли в Шанхае, в том рейсе, когда прежний второй помощник задержал судно в порту на три часа, ухитрившись (капитан Макуир так и не понял, как это у него вышло) упасть за борт и угодить на пустой угольный лихтер, стоявший у борта. Беднягу пришлось отправить на берег в больницу с сотрясением мозга и какими-то переломами.

Джакса его недружелюбие ничуть не смутило.

– Китайцам, должно быть, весело там, внизу, – сказал он. – Им еще повезло, что «Нань-Шань» – самое устойчивое судно из всех, на каких мне приходилось плавать. Ого! Ничего себе!

– То ли еще будет, – буркнул второй помощник.

Из-за острого носа с красным кончиком и тонких поджатых губ он всегда имел такой вид, словно внутри кипит от злости, а его лаконичность граничила с откровенной грубостью. Все свободное от вахт время он сидел у себя в каюте. Едва прикрыв дверь, он затихал, словно моментально погружался в сон. Однако матрос, который приходил будить его на вахту, неизменно заставал помощника в одной и той же позе: лежал на спине, голова покоилась на несвежей подушке, а глаза раздраженно сверкали. Писем он никогда не писал и, казалось, ни от кого не ждал новостей. Однажды как-то он упомянул о Вест-Хартлпуле, да и то с крайним возмущением по поводу грабительских цен в каком-то пансионе.

Подобных людей можно найти, если понадобится, в любом порту мира. Они чаще всего неплохо знают свое дело, обычно нуждаются, порочных наклонностей не проявляют и неизменно носят клеймо неудачника. На борт такие попадают случайно, судно их не интересует, они живут в своем замкнутом мирке, ни с кем не заводя дружбы, а от места отказываются в самый неподходящий момент. Уходят, ни с кем не попрощавшись, в каком-то захолустном порту, где другие просто побоялись бы остаться, прихватив свой облезлый морской сундучок, тщательно перетянутый веревкой, словно там спрятаны бог весть какие сокровища, уходят с таким видом, будто хотят расстаться навсегда.

– То ли еще будет, – повторил он, раскачиваясь, чтобы удержать равновесие, и упорно избегая взгляда Джакса.

– Вы хотите сказать, что мы хлебнем горя? – с мальчишеским любопытством спросил Джакс.

– Сказать? Я ничего не собираюсь говорить. Вы меня на слове не поймаете, – рявкнул второй помощник с таким гордым и подозрительным видом, точно Джакс хотел устроить ему

ловушку. – Ну нет! Ни у кого из вас не получится сделать из меня дурака, – проворчал он себе под нос.

Джакс тут же пришел к заключению, что второй помощник – подлая скотина, и мысленно пожалел, что бедняга Джек Аллен свалился на углевоз. Далекая чернота впереди судна казалась какой-то ночью из иного мира – беззвездной, находящейся за пределами Вселенной. В ее зловещее безмолвие можно было заглянуть через узкую трещину в сияющем куполе, окружающем Землю.

– Что бы нас ни ждало, мы несемся прямо ему навстречу, – сказал Джакс.

– Это сказали вы, – отозвался второй помощник, по-прежнему стоя к нему спиной. – Заметьте, вы, а не я.

– Идите к черту! – не выдержал Джакс.

Его собеседник торжествующе хохотнул и повторил:

– Вы, а не я.

– Ну и что?

– Мне доводилось знать вполне достойных людей, которым доставалось от капитанов и не за такие слова, – возбужденно заявил второй помощник. – Э-э нет, меня вы не подловите!

– А почему вы так боитесь себя выдать? – спросил Джакс, раздраженный нелепым поведением штурмана. – Я вот не боюсь говорить то, что думаю.

– Мне-то? Невелика храбрость. Я никто и хорошо это знаю.

Судно вновь стало раскачиваться на волнах, с каждой секундой все сильнее, и Джакс слишком увлекся сохранением равновесия, чтобы ответить. Как только бешеная качка немного утихла, он проговорил:

– Пожалуй, это уже чересчур. Будет что-то или нет, а все-таки следует повернуть судно против волны. Старик собирался прилечь. Как хотите, а я с ним поговорю.

Открыв дверь штурманской рубки, Джакс увидел, что капитан читает книгу. Капитан Макуир не лежал, а стоял, ухватившись за книжную полку и держа в другой руке раскрытый толстый том. Лампа вертелась в медных кольцах карданного подвеса, неплотно стоявшие книги ездили туда-сюда по полке, длинный барометр ходил ходуном, стол каждую секунду давал крен. Среди этого хаоса стоял, держась за полку, капитан Макуир.

– В чем дело? – спросил он, оторвавшись от книги.

– Волнение усиливается, сэр.

– Я тоже заметил, – пробормотал капитан. – Что-нибудь неладно?

Джакс, сбитый с толку его строгим взглядом, неловко улыбнулся.

– Качается, как старая калоша, – смущенно сказал он.

– Да! Качает прилично. Что вы хотели?

Джакс окончательно растерялся.

– Эээ... Я подумал о пассажирах, – проблеял он, хватаясь за соломинку.

– О пассажирах? – хмуро удивился капитан. – О каких пассажирах?

– Ну, о китайцах, сэр, – пояснил Джакс, начиная жалеть, что затеял этот разговор.

– О китайцах! Так почему не сказать прямо? Я не понял, о чем вы толкуете. Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь называл кули пассажирами. Пассажиры! Что на вас нашло?

Капитан Макуир заложил книгу указательным пальцем, закрыл и, в недоумении посмотрев на помощника, осведомился:

– А почему вы думаете о китайцах, Джакс?

Джакс понял, что отступать некуда, и выпалил:

– Палубу заливают, сэр. Я подумал, может быть, следует повернуть судно... на время.

Пока это волнение немножко не успокоится. Ненадолго. Отвернуть немного к востоку. Я сроду не видывал такой качки.

Он едва устоял в дверном проеме, а капитан Макуир, чувствуя, что не удержаться, поспешил выпустить полку и тяжело рухнул на диван.

– Повернуть на восток? – переспросил он, пытаясь сесть. – Это больше чем на четыре румба от курса.

– Да, сэр. Пятьдесят градусов... Повернуть судно, чтобы...

Капитан ухитрился сесть. Книгу он не уронил и заложенного места не потерял.

– На восток? – удивленно повторил он. – На во... Куда, по-вашему, мы направляемся? Вы хотите повернуть мощный пароход на четыре румба от курса, чтобы не причинить неудобств китайцам? Ну, знаете ли, мне приходилось слышать о всяких безумствах, что творятся на свете, но такого... Не знай я вас, Джакс, подумал бы, что вы напились. Повернуть на четыре румба... А потом что? Повернуть на четыре румба обратно, чтобы встать на курс... Как вам могло взбрести в голову, что я стану вести пароход так, словно это парусник?

– Нам повезло, что мы не на паруснике, – с мрачной готовностью вставил Джакс. – За сегодняшний вечер мы потеряли бы все мачты до единой.

– Да! А нам оставалось бы только стоять и смотреть, как их уносит, – немного оживившись, согласился капитан Макуир. – Сейчас мертвый штиль, да?

– Да, сэр. И все-таки я не сомневаюсь: надвигается что-то необычное.

– Возможно. И вы, наверное, вообразили, что я постараюсь убраться с дороги, – сказал капитан Макуир.

Он говорил это с простодушным, искренним видом, тяжелым взглядом уставившись в пол, а потому не заметил ни смущения Джакса, ни смеси досады и уважительного удивления на его лице.

– Видите эту книгу? – задумчиво продолжал капитан Макуир, хлопнув себя по ноге закрытым томом. – Я как раз читал главу о штормах.

Капитан не лукавил: он и вправду читал главу о штормах. Входя в штурманскую рубку, он и не думал братья за эту книгу. Его охватило какое-то неясное предчувствие, вероятно, подобное тому, что побудило стюарда, не дожидаясь приказа, принести в рубку высокие морские сапоги и непромокаемый плащ. Рука Макуира сама потянулась к полке. Не отвлекаясь даже на то, чтобы сесть, он добросовестно вчитывался в термины, но запутался во всех этих наступающих полуокружностях, левых и правых квадрантах, кривизне следов, возможном местонахождении центра, смене ветра и показаниях барометров. Он пытался применить прочитанное к своей ситуации, однако почувствовал лишь презрение и гнев к многословным советам, основанным на теоретических рассуждениях и предположениях, в которых не увидел ни проблеска точности.

– Это чушь собачья, Джакс! – сказал он. – Если верить всему, что здесь написано, то нам придется все время носиться по морю, стараясь зайти в тыл непогоде.

Он вновь хлопнул себя книгой по ляжке, а Джакс открыл рот, но ничего не сказал.

– Зайти в тыл непогоде! Понимаете, Джакс? Глупость неслыханная! – восклицал капитан Макуир через короткие промежутки, продолжая глядеть в пол. – Можно подумать, что это писала старая баба. Решительно не понимаю. Если считать, что эта книга полезна, то я должен немедленно изменить курс, повернуть черт знает куда и явиться в Фучжоу с севера, тащась в хвосте шторма, который мы, вероятно, можем встретить на своем пути. С севера! Понимаете, Джакс? Триста лишних миль по расстоянию и сумасшедший перерасход угля. Я бы ни за что так не поступил, даже будь каждое слово в этой книге святой правдой. И не надейтесь.

Джакс молча дивился столь бурному и красноречивому проявлению чувств.

– К тому же мы не знаем, прав ли этот писака. Как можно определить, что это за шторм, пока мы в него не попали? Ведь этого писателя здесь нет, верно? Прекрасно. Вот тут он пишет, что центр таких ураганов находится на восемь румбов от ветра, а у нас никакого ветра нет, хотя барометр падает. Где же теперь его хваленый центр?

– Ветер сейчас поднимется, – пробормотал Джакс.

– Так пусть поднимется, – с благородным негодованием произнес капитан. – Это показывает, Джакс, что в книгах всего не найдешь. Если смотреть здраво, то я считаю все эти правила, как увернуться от ветра и обойти шторм, сущим вздором.

Подняв глаза, он прочел во взгляде Джакса недоверие и постарался пояснить сказанное на примере.

– Это столь же нелепо, как и ваше странное предложение повернуть судно, изменив курс неизвестно на сколько времени, чтобы не побеспокоить китайцев. Моя задача – доставить их в Фучжоу согласно расписанию, в пятницу до полудня. Если меня задержит непогода – отлично. На то имеется судовой журнал, в котором ясно говорится, какая стояла погода. Но предположим, что я изменил курс и опоздал на два дня. «Где же вы были все это время, капитан?» – спросят у меня. Что я на это скажу? Мне пришлось бы ответить, что я уворачивался от непогоды. «Должно быть, погода была чертовски скверная?» – спросят они. А я отвечу: «Не знаю, я ловко от нее увернулся». Понимаете, Джакс? Я весь вечер об этом думал.

Он снова поднял глаза и бесхитростно посмотрел на помощника. Никто и никогда не слышал от капитана Макуира столь пространной речи. Джакс, стоявший растопырив руки в дверном проеме, походил на узревшего чудо. Весь его вид выражал неподдельное изумление.

– Шторм есть шторм, Джакс, – резюмировал капитан, – и мы должны встретить его лицом к лицу. На свете бушует немало штормов, и нужно идти напролом, без всякой «стратегии бурь», как выражается старый капитан Уилсон с «Мелиты». На днях я слышал, как он рассказывал о своей «стратегии» компании судовладельцев, сидевшей за соседним столиком. Мне это показалось чудовищной глупостью. Уилсон рассказывал, что «перехитрил», как он выразился, ужасный шторм, все время держась от него на расстоянии не менее пятидесяти миль. Он называл это искусным маневрированием. Никак не могу понять, откуда он знал, что на расстоянии пятидесяти миль свирепствует шторм. Это походило на бред сумасшедшего. Я был о нем лучшего мнения.

Капитан Макуир помолчал минутку и спросил:

– Вы следующим заступаете на вахту, Джакс?

Джакс, вздрогнув, пришел в себя.

– Да, сэр.

– Распорядитесь, чтобы меня позвали в случае каких-либо перемен, – попросил капитан.

Он поставил книгу на полку и поднял ноги на диван.

– Закройте хорошенько дверь, чтобы не хлопала, слышите? Терпеть не могу, когда дверь стучит. Должен сказать, замки здесь никуда не годятся.

Капитан Макуир закрыл глаза, мечтая отдохнуть. Он устал и чувствовал себя духовно опустошенным, как бывает после утомительной беседы, когда человек высказал свои глубочайшие убеждения, накопленные за долгие годы. Сам того не подозревая, он выразил свое кредо, и на Джакса это произвело столь сильное впечатление, что он долго еще стоял по другую сторону двери, почесывая затылок.

Капитан Макуир открыл глаза. Он, должно быть, уснул. Что за оглушительный шум? Ветер? Почему же его не позвали? Лампа вертелась в карданном подвесе, барометр раскачивался кругами, стол кренился то в одну, то в другую сторону, мимо дивана проехала пара старых морских сапог с разболтанными голенищами. Он быстро протянул руку и схватил один сапог. В приоткрытой двери показалось лицо Джакса – одно только лицо, багрово-красное, с вытаращенными глазами. Пламя лампы задрожало, лист бумаги взлетел над столом, по рубке пронесся сквозняк. Натягивая сапог, капитан выжидающе посмотрел на отекавшее, возбужденное лицо старшего помощника.

– Началось, вдруг, – крикнул Джакс, – пять минут назад... внезапно!

Голова скрылась, дверь хлопнула, снаружи послышались плеск и падение тяжелых капель, словно кто-то выплеснул на переборку ведро расплавленного свинца. В глухом рокоте снаружи слышался разбойничий свист ветра. По душной рубке носился сквозняк, словно по дырявому сараю. Капитан Макуир ухватил второй сапог, скользивший по полу. Он не то чтобы волновался, однако просунуть ногу в сапог удалось не сразу. Башмаки, которые он сбросил, носились по каюте, насакивая друг на друга, словно два разыгравшихся щенка. Поднявшись на ноги, он в сердцах хотел дать им пинка, но не попал. Встав в позу фехтовальщика, он потянулся за непромокаемым плащом, а потом долго топтался по тесной рубке, натягивая его. Широко расставив ноги и вытянув шею, очень серьезный, Макуир начал старательно завязывать тесемки зюйдвестки под подбородком, как женщина, надевающая шляпу перед зеркалом. Толстые пальцы слегка дрожали. С напряженным вниманием прислушиваясь к звукам снаружи, он, казалось, ожидал с минуты на минуту услышать в шуме, внезапно наполнившем судно, свое имя. Шум все усиливался, и капитан чуть не оглох, пока готовился выйти навстречу неизвестности. Вокруг все грохотало, свистел ветер, гремели волны, воздух глухо дрожал далекими барабанными раскатами, предвещавшими скорое нападение.

Макуир постоял минутку под лампой, неуклюжий и громоздкий в своих боевых доспехах, с покрасневшим от напряжения лицом.

– Эта сбруя весит целую тонну, – пробормотал он.

Как только он сделал попытку открыть дверь, ее захлопнуло ветром. Капитан вцепился в ручку, и его вынесло из рубки за порог. Пытаясь закрыть дверь, он вступил в единоборство с ветром. В последний момент струя воздуха ворвалась в рубку и слизнула пламя лампы.

Впереди по курсу над белыми вспышками пены лежала великая тьма. По правому борту раскинулось бесконечное бушующее море, лишь мерцали сквозь дымовую завесу несколько удивительно огромных звезд.

На мостике можно было различить группу людей, с невероятными усилиями выполнявших какую-то работу; на их головы и спины падал тусклый свет из иллюминаторов рулевой рубки. Внезапно погас один иллюминатор, затем другой. Теперь до его слуха доносились лишь отрывистые выкрики растворившихся в темноте людей, как обычно бывает при сильном ветре. Неожиданно рядом с ним вырос Джакс. Он кричал, опустив голову:

– Смотрите... закрыть ставни... рулевой рубки... может... выбить стекла...

Джакс расслышал сквозь шум укоризненный голос капитана:

– Я же ... просил... меня... позвать.

Он начал объяснять, пытаясь перекричать рев стихии:

– Легкий ветерок... я был... на мостике... вдруг... с северо-востока... думал... услышите...

Они зашли под брезентовое прикрытие, где могли говорить: правда, приходилось повышать голос.

– Я велел закрыть все вентиляторы. Хорошо, что остался на палубе. Я не думал, что вы заснете... Как вы сказали, сэр? Что?

– Ничего! – крикнул капитан Макуир. – Я сказал – ладно!

– Силы небесные! – заорал Джакс. – На этот раз мы влипли!

– Вы не изменили курс? – напрягая голос, осведомился капитан Макуир.

– Нет, сэр. Конечно, нет. Мы идем прямо против ветра. А вот и волна.

Судно нырнуло, приостановилось и дрогнуло, словно наткнулось на что-то твердое. На мгновение все затихло, затем могучий порыв ветра и высоко взлетевшие брызги хлестнули их по лицам.

– Держитесь курса сколько сможете! – крикнул капитан Макуир.

Не успел Джакс вытереть с лица соленую воду, как все звезды на небе погасли.

Глава 3

Джакс знал свою работу не хуже других молодых штурманов, бороздящих моря. Поначалу он немного опешил от злобного бешенства первого шквала, однако быстро взял себя в руки, позвал матросов и бросился вместе с ними закрывать те отверстия на палубе, которые не были закрыты раньше.

– Давай, ребята, помогай! – громогласно кричал он, направляя работу и думая: «Этого-то я и ждал».

Однако с каждой минутой он все яснее осознавал, что буря превзошла его ожидания. С первого же порыва ветра, коснувшегося его лица, мощь урагана нарастала со стремительностью лавины. Судно, заливаемое водой от носа до кормы, не перекатывалось с боку на бок, а металось и зарывалось в воду, словно обезумев от ужаса.

«Дело нештучное», – подумал Джакс. Пока он перекрикивался с капитаном, над водой сгустилась крошечная тьма, будто погасли все светила в мире. Он был рад, что капитан рядом. Ему стало легче, словно этот человек, выйдя на палубу, принял на свои плечи всю тяжесть шторма. Именно в этом престиж капитанской должности, ее привилегии и бремя.

Капитану Макуиру перекладывать бремя ответственности было не на кого. Удел полководца – одиночество. Он вглядывался в темноту с напряженным вниманием человека, который смотрит в глаза противнику, пытаясь понять его скрытые намерения, угадать цель и силу нападения. Ураганный ветер налетал из необъятной тьмы, Макуир чувствовал под ногами неуверенность своего корабля и не мог различить даже смутных его очертаний. Он понимал, что не может ничего изменить, и молча ждал, потрясенный своей беспомощностью и слепотой.

Капитан никогда не отличался разговорчивостью. Джакс, стоявший рядом, заорал, перекивая порывы ветра:

– Должно быть, мы сразу попали в самую гущу, сэр!

Вспыхнула слабая молния, озарившая все вокруг призрачным светом, точно скрытую в морских глубинах пещеру с пенными гребнями вместо пола. На один зловеющий мимолетный миг она осветила рваные клочья низко нависших облаков, очертания накренившегося судна, черные фигуры людей на мостике, словно окаменевших с вытянутыми шеями. Вновь опустилась тьма, и тут-то пришло настоящее.

Это было нечто грозное и стремительное, как внезапно разверзшийся сосуд гнева.казалось, что судно до самого основания потряс мощнейший взрыв. На палубах бушевала вода, словно на воздух взлетела гигантская дамба. Люди в секунду потеряли друг друга. Такова разъединяющая сила бури: она отделяет людей от себе подобных. Землетрясение, оползень, лавина – все эти явления настигают человека мимоходом, бесстрастно, а яростный шторм атакует его как личного врага, стремится скрутить по рукам и ногам, обрушивается на мозг, хочет сломить его дух.

Джакса оторвало от капитана, и, как ему показалось, долго кружило в воздухе. Исчезло все: на секунду он потерял даже способность мыслить, – но скоро его рука нащупала столбик ограждения. Он не совсем верил в реальность происходящего, однако его страдания от этого не уменьшились. Несмотря на молодость, Джаксу приходилось попадать в штормы, и он никогда не сомневался в своей способности вообразить самое худшее, но происходящее настолько превосходило силу воображения, что казалось совершенно несовместимым с выживанием какого бы то ни было судна. Точно так же он усомнился бы и в себе самом, если бы в данный момент не был всецело поглощен борьбой с неведомой силой, пытавшейся оторвать его от опоры. Более того, он знал, что еще жив, поскольку чувствовал, что задыхается, дрожит и захлебывается.

Джаксу показалось, что он оставался наедине со столбиком целую вечность. Он тонул в обрушивающихся потоках дождя и ловил ртом воздух. Вода, которую он глотал, была то прес-

ной, то соленой. Он крепко зажмурил глаза, словно боялся потерять зрение в этом безумном буйстве стихии. Когда он отваживался быстро моргнуть, то замечал зеленый огонек с правого борта, слабо мерцавший сквозь брызги дождя и пены, и ему становилось легче. Джакс как раз смотрел на огонек, когда зеленый луч осветил вздымающийся вал и погас. Он увидел, как гребень волны с грохотом перекатился через борт, и этот грохот слился с оглушительным ревом бушующей стихии. В ту же секунду столбик вырвало из его рук. Он упал на спину и почувствовал, что плывет и его несет вверх. Сначала он подумал, что на мостик обрушилось все Китайское море, затем, собравшись с мыслями, пришел к выводу, что оказался за бортом. Пока его, насквозь промокшего, трепало, швыряло и кружило в безумном водовороте, он мысленно повторял: «Господи Боже! Господи Боже! Господи Боже!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.